

**Сталинизм как реальность
крестьянской социальной утопии**

Крестьянство – одно из древнейших и самых многочисленных сословий на земле. Крестьянин – это не просто кормилец любой цивилизации, это нечто большее чем народонаселение, чья повседневность жизни связана с землей, с тяжелым земледельческим трудом, что формировало своеобразное восприятие действительности. Россия – исторически крестьянская страна, именно крестьянство отражает специфику России, именно крестьянин – один из важнейших исторических субъектов, определявший вектор развития страны на поворотных моментах ее истории. Изучение социальных потрясений в XX в. также немыслимо без учета особенностей самосознания, мировоззрения и социальной практики российского крестьянства, составлявшего по переписи 1897 г. 77% жителей России¹. Пожалуй, ни одному социальному слою российским государством не уделялось столь пристального внимания, как крестьянству. Коллективизация была четвертой аграрной реформой за 70 лет, третьим преобразованием села в XX в.: Великая реформа 1861 г., столыпинская аграрная реформа, аграрная революция 1917–1918 гг. Можно сказать, деревня привыкла не к покою и устойчивой жизни, а к постоянным переменам.

В XX в. кардинально изменился сам крестьянин, его жизненный мир, ценностные ориентиры, формы, способы и характер производства сельскохозяйственной продукции. Вместе с тем, уже в XIX в. стало очевидно, что модернизация в определенной степени деформировала традиционную структуру российского общества и патриархальное крестьянство оказалось «лишним» для представителей новой России. Неизменной, однако, оставалась социальная значимость крестьянства

в российском государстве: крестьянская масса по-прежнему оставалась основным источником налогов, экспортной продукции и производителем продовольствия – других источников доходов у государства практически не было.

Крестьянская составляющая отечественной истории всегда была уникальным объектом научного интереса как российских, так и зарубежных историков, в том числе и такая ее проблема, как взаимоотношения этого социального слоя с властью, апофеозом которой следует считать 20–30 гг. XX в. – финальный раунд окончательного «раскрестьянивания» российского крестьянства. Предмет обсуждения требует определения понятийного аппарата. Мы предполагаем, что далеко не всякий (арендаторы, батраки), кто работает на земле – крестьянин. Необходимыми условиями крестьянственности являются единство работника с природными условиями производства – собственность на землю, – и особая социальная организация – община. Именно на разрушение этой организации и лишение крестьян их собственности и была направлена коллективизация – окончательная развязка выяснения в русской истории взаимоотношений между властью и крестьянством. Под сталинизмом следует, на наш взгляд, понимать теорию и практику управления всеми сферами жизни общества, основанных на тотальном насилии, тотальном упрощении и тотальной лжи. Ставка делается на слабости, низменное, больное или наблевшее в человеке или социуме. Суть сталинизма в убеждении: не так важно, что люди себе мыслят, а важно то, что они должны мыслить и делать. Следует подчеркнуть, что подобный механизм управления, особенно крестьянством, вполне устраивал немецких оккупантов, в силу чего на захваченной территории они, по возможности, старались колхозы сохранить.

Крестьянское видение необходимых аграрных преобразований носило характер социальной утопии, было обращено в прошлое и произрастало из традиций. Два краеугольных камня лежали в основании этой утопии:

«Земля» и «Воля». В крестьянской мифологии синкретизм природного и социального, причастность человека к реализации законов космического мироздания проявлялся в существовании культа Земли-Матушки. Исторически очень точную характеристику отношения крестьян к земле сформулировал известный знаток пореформенной российской деревни Г. И. Успенский. Сущность крестьянского мирозерцания, крестьянское бытие в целом и во всех его зримых и незримых проявлениях автор определяет исключительно «властью земли»². Постоянная, полностью поглощающая душу, силы и время крестьянина, зависимость от земли имела и другую сторону своего предназначения, связывая его с Волей. Порабощая земледельца, «власть земли» одновременно и освобождала крестьянина от ответственности за деяния, освещенные ее сакральным значением: «...тут-то и лежит та необыкновенная легкость существования, благодаря которой мужик Селянинович мог сказать: “Меня любит мать сыра земля”. И точно любит: она забрала его в руки без остатка, всего целиком, но зато он и не – отвечает ни за что, ни за один свой шаг. Раз он делает так, как велит его хозяйка земля, он ни за что не отвечает: он убил человека, который увел у него лошадь,- и не виновен, потому что без лошади нельзя приступить к земле; у него перемерли все дети – он опять не виноват: не родила земля, нечем кормить было; он в гроб вогнал вот эту свою жену – и не виновен: дура, не понимает в хозяйстве, ленива, через нее стало дело, стала работа»³. При этом следует подчеркнуть, что крестьянин наследовал главным образом не землю, а труд на ней, образ жизни и соответствующий образ мыслей, право на возможность выживания.

По нашему мнению, О. В. Сухова справедливо констатирует, что образы крестьянского видения аграрной реформы базировались на следующих основных принципах: уничтожение частной собственности; безвозмездный и всеобщий характер передачи земли крестьянам; уравнильное землепользование, запрет на использование

наемного труда. Это мало согласуется с такой так называемой характеристикой общей позиции российской деревни как требование национализации земли большевиками⁴.

Следует признать утопическими и эсеровские идеи распределения государственного земельного фонда в соответствии с единой трудовой нормой, весьма близкие представлениям крестьян, но невозможные в осуществлении и последующем поддержании фактического равенства в распределении земли. В конечном счете, реализация этой модели ведет к «социалистической национализации» в форме коллективизации, то есть к установлению государственной собственности на землю, восстановлению доиндустриальных форм эксплуатации крестьян государством, основанных исключительно на насилии.

Информационное поле крестьянской повседневности в качестве своей социальной практики выделяло общину как сообщество, обеспечивающее наиболее комфортные условия выживания своих членов. Этот стиль жизни способствовал выработке у крестьян соответствующего мировидения и оригинальных представлений о том, каким образом должно строиться их взаимодействие с внешним по отношению к общине миром. В крестьянской «картине мира» община рассматривалась как средство осуществления высших идеалов и интересов, как своеобразная матрица поведенческих стереотипов, от следования которым зависело и настоящее, и будущее крестьянства. Неслучайно нарушение общинных порядков каралось в русской деревне значительно строже, чем нарушение установлений позитивного права. Живучесть мирских стереотипов была настолько основательна, что даже при ясном понимании крестьянами того, что община в конечном итоге стояла на пути социального и агротехнического прогресса, деревня в этом средневековом институте видела спасательный круг.

Такая стойкая приверженность селян принципам общинного мироустройства отчасти объяснялась одним из его функциональных предназначений (в числе основных

функций русской общины, как правило, выделяются следующие: управления, производственная, финансово-податная, правотворческая, судебная, полицейская, представительская, функция социальной защиты, культурно-воспитательная и религиозная⁵), сущность которого заключалась в формировании ощущений компенсирующего плана. Под воздействием четко регламентирующих условий жизнедеятельности в общине индивид, безусловно, лишался возможности на самостоятельное проявление воли, однако взамен получал механизм социальной психологической защищенности, не тяготясь при этом индивидуальной ответственностью. Речь идет о блокировании негативных эмоций при переходе индивидуального сознания в массовое, вследствие ощущения «Я» как части целого большого организма⁶.

Исторические источники позволяют утверждать, что подобное миропонимание и травмирующий опыт отношений с властью позволяли крестьянам представлять власть звериной, неживой и даже inferнальной силой, что прошлое лучше настоящего и необходимо осуждать всякие изменения вообще, уже по определению ухудшающие жизнь деревни. В понимании крестьянства отвержение «старого строя» означает не прорыв к новому, а возвращение в «золотой век», в прошлое, к глубинным основам традиционной культуры, свободной, в первую очередь, от частнособственнических устремлений. При этом деревенский социум не нуждался ни в какой самоуправляющейся организации, шел процесс атомизации политической структуры и подлинной преемницей управляющих функций государства должна стать поземельная община со всеми вытекающими отсюда последствиями. Она становилась исключительно первой и единственной правопреемницей государства, и вся политическая система низводилась до уровня функционирования и взаимодействия локальных крестьянских миров. Как подчеркивал Н. А. Бердяев, «Русский народ хочет не только святость, сколько

преклонение перед святостью, подобно тому, как он не хочет власти, а отдания себя власти, перенесения на власть всего бремени»⁷. В концентрированном и цивилизационном виде эти воззрения были высказаны на делегатском совещании Всероссийского крестьянского союза. Содержательную сторону выражали следующие положения: вся земля должна принадлежать крестьянам на началах уравнительного общинного владения; чиновничество всех уровней должно быть выборным на основе всеобщего избирательного права; органы местной власти должны на основе центрального финансирования и самофинансирования располагать широкими полномочиями в земельном вопросе, в сфере образования и здравоохранения; общегосударственное устройство виделось в форме конституционной монархии или даже парламентской республики⁸.

Исследования общины как свободного трудового сообщества в прошлом показывают, что в фундаменте ее существования заложены две противоречивые тенденции: к становлению нормальной частной собственности на землю и необходимости постоянно поддерживать принцип «равных для всех оснований», то есть перманентный передел. Однако саморазвитие общины шло не в двух противоположных направлениях, а, как ни парадоксально, они были лишь разными проявлениями одной сущности. Факты российской истории убедительно свидетельствуют, что традиционная крестьянская община уже во второй половине XIX в. находилась в стадии разложения в экономическом, политическом, социальном и духовно-нравственном отношениях, сохраняя ограниченный административный ресурс, но задыхаясь от навязанных ей государственно-фискальных функций и перенасыщения мироедским насилием. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что субстанция общины тоже менялась: она становилась более открытой, более гибкой, принимавшей теперь и определенное неравенство, и новые формы организации, в первую очередь, кооперацию. Ставить знак равенства между дореволюционной общиной и той, которая

сформировалась к концу 20-х гг. XX в. было бы, на наш взгляд, большим заблуждением. Не исключено, что община трансформировалась в нечто социально устойчивое, эффективное, адекватное русской современности, в нечто в духе Чаынова–Кондратьева, но увидеть это было не суждено, ибо в 1929 г. ей «сломали хребет».

По мере усиления «самовластия» приобретает несколько иное звучание и вторая часть знаменитого крестьянского лозунга «Земля и воля», которая стала восприниматься в крестьянской среде как предельное освобождение от всех форм социального контроля со стороны государства. Здесь следует обратить внимание на феномен завышенных ожиданий как предпосылки крушения модернизационного проекта. Их источником были представления крестьянства о несправедливости существующего распределения земли. Причем эти представления не только не ослабевали, но и нарастали по мере юридического раскрепощения крестьянства в ходе реформы 1861 г. и особенно после 1907 г. Чем больше крестьяне получали прав и чем ближе становился их статус с другими слоями общества, тем больше прав собственности они требовали. Планка социальных запросов крестьянства оказалась значительно выше его способности конвертировать этот новый социальный и правовой статус в реальную экономическую деятельность. Крестьяне получили больше прав и больше свободы, чем могли рассчитывать ранее, но они не знали куда ее девать, что приводило к росту их агрессивности. Эту ситуацию с полным основанием можно охарактеризовать как «бегство от свободы»⁹.

Необходимо обратить внимание и на такую характерную особенность крестьянской «картины мира», как нерасчлененность систем представлений различного уровня, когда усвоение новых смыслов происходит не путем отрицания прежнего социального опыта, а наложением нового на старое. Другими словами, существует ситуация «неисчезаемости прошлого», то есть своеобразие эволюции

крестьянского миропонимания состоит в отсутствии сменяемости одних форм другими¹⁰.

Захватив и удержав власть, большевики ставили задачу не просто изменить мир, а путем жесточайшего мифоутверждения подстроить настоящую и будущую реальность под вдохновляющую коммунистическую утопию, которая являлась абсурдной с точки зрения здравого смысла, но должна была выступать «справедливой» с точки зрения крестьянского сознания и чрезвычайно эффективной с точки зрения большевиков. Сложность отношения крестьянства к власти предоставляла широкие возможности для маневра, с одной стороны, а с другой – часто приводила к совершенно неожиданным и неожиданным для руководящих работников последствиям.

Большевики, несомненно, свысока относились к миру мелких производителей. Около 80% населения страны уже Конституциями 1918 и 1924 гг. по отношению к рабочим было признано людьми второго сорта. По этой же логике деревня считалась навозом истории, материалом для строительства социализма. Большевики же рассматривали себя как носителей социальной правды, как силу, которая должна вывести крестьянство из микрокосма общинности в национальный, социалистический, советский макрокосм. Традиционность среды диктовала и традиционность методов воздействия на крестьянство. Но советская власть – это власть нового типа, особенно в условиях необходимости ее удержания в начале 20-х гг., это власть немедленного действия, власть, эффективнее всего действующая в экстремальных условиях, потому и нового человека нужно было создавать, если не получилось еще вчера, то немедленно, «из того материала, который оставил капитализм со вчера на сегодня, а не из тех людей, которые в парниках будут приготовлены»¹¹. Поэтому и большевистские практики по отношению крестьянству были жестокими и варварскими, как к варварам, которых надо вести. В общем и целом отношение новой власти к мелкобуржуазным собственникам можно определить как

отношение войны, в результате которой последние должны быть уничтожены. В ходе инсталляции репрессивного режима вожжи, порой, отпускали, но только для того, чтобы их опять взнуздать.

По своей социальной природе и логике развития советский режим, объективно отрицающий практически все негосударственные формы собственности на вещественные факторы производства – будь то искусственные или природные (земля), – не мог допустить существование огромного слоя населения, обладающего собственностью на один из этих факторов (землю) и к тому же обладающего своей формой социальной организации. Эта масса нуждалась в систематизировании, без чего это грозило стихийностью и неуправляемостью социальных процессов.

Мировоззренческие интенции марксистской теории импонировали деспотической природе Сталина, потому что он правильно понял его социальную сущность как просвещенного патернализма, закреплявшего право одних, «просветленных», классов присваивать себе жизнь, счастье и мысли других, «непросветленных» классов. Поэтому он без тени смущения, без всяких мук совести сам присвоил себе право переломать жизнь миллионам крестьян России. Какова была перспектива крестьянства по Сталину? Вполне в русле коммунистической доктрины: рабочий класс, как руководящая сила союза с крестьянством, должен «переделать» постепенно крестьянство – его психологию, его производство в духе коллективизма и подготовить, таким образом, условия для уничтожения классов¹². Иными словами, марксистский социализм предполагал сделать из советского социума исключительно работников. Но, сворачивая НЭП, власть свернула и непродолжительный эксперимент по созданию нового крестьянина и пошла по более короткому, но традиционному пути – перекачке средств из сельского хозяйства в промышленность. На этом маршруте необходимо было найти или создать среди крестьянства лояльные или опорные для власти социальные группы. По известным причинам ими не могли быть

средняцкие или зажиточные хозяйства, которые с точки зрения Советской власти априорно были ее противниками. Выбор пал на бедноту и батрачество, которые в соответствии с традиционными крестьянскими представлениями, рассматривались как часть сельского общества с самым низким социальным статусом.

Коллективизация решила проблему аграрного перенаселения, продовольственный вопрос (ибо определение, где кончается хлеб, необходимый для крестьянского хозяйства, и начинается его излишек, принадлежит государству), проблему обеспечения порядка. Решила путем раскрестьянивания, то есть путем превращения крестьян в государственных работников на земле.

К числу основных симптомов раскрестьянивания следует отнести следующее:

– ожидавшаяся трудовым крестьянством социализация земли трансформировалась в рамках государственной политики в национализацию. Земля оказалась обезличенной, а колхозы, созданные вопреки воле крестьян, выступали как своеобразные источники живого труда, который мало чем отличался от полурабского труда заключенных. Это была система подневольная, нацеленная не на производство, а прежде всего на выжимание продукта крестьянского труда. Под влиянием отношений с властью изменились и цели сельского мира: если в начале XX в. главной крестьянской мечтой была земля, которая, как представлялось, обеспечивала преемственность работающих на земле поколений, то ведущей тенденцией следующих десятилетий, вплоть до настоящего времени, стал настрой земледельцев на бегство из деревни в самых разнообразных формах;

– существенно изменился облик значительной части крестьянства. Его можно характеризовать как полукрестьянина-полумаргинала в солдатской шинели «с винтовкой в руке» и «без царя в голове», как носителя социально-политической дезинтеграции и более

радикального типа сознания¹³. Этот «новый» крестьянин систематически или уклонялся от работы, или работал «спустя рукава». Если дореформенные крестьяне в страду работали от зари до зари, то рабочий день большинства колхозников начинался в 10–11 часов утра и продолжался с большими перекурами и простоями до 17–19 часов. Качество работы в колхозе было низким, что экономило силы на работу в личном хозяйстве и предоставляло больше возможностей для хищений;

– окончательному разрушению подверглась крестьянская община, разрыв с которой части крестьян был подготовлен предшествующим этапом развития русской деревни, хотя усилия властей в ходе аграрных преобразований в начале XX в. вызывали к жизни механизм ее самосохранения. Термины «феодализм», «барщина», «община» вряд ли применимы к колхозной системе из-за большой социальной мобильности, текучести, возможности увильнуть от работы, уйти в город на стройки пятилетки. Недоумение вызывает утверждение, что колхоз выполнял не столько экономическую функцию, сколько социальную, он заменял собой общину и барина одновременно¹⁴. «Колхоз – дело добровольное. Хочешь вступиай, не хочешь – расстреляем», - горько шутили в деревне. В этой связи более исторически точной представляется мысль В. П. Булдакова, что действительной антитезой принудительного коллективизма может быть только антиколлективистская, антисолидаристская стадность¹⁵. В таком случае, в качестве барина выступает советское государство, а колхозы – как часть советского стада;

– полный раскол крестьянского «мира» российской деревни для устранения потенциальных и реальных противников политики Советской власти в деревне. Раскулачивание предстает как «узаконенное беззаконие», как обязательное «взбодривание» сплошной коллективизации, и постоянное устрашение как колхозников, так и единоличников на протяжении всего

десятилетия «великого перелома» 1929–1939 гг. Усилия Советской власти не пропали напрасно: ей действительно удалось окончательно расколоть деревню, что, безусловно, было большим успехом в деле социалистического натиска на нее. В то же время эта политика заложила мины замедленного действия в фундамент колхозной системы, ибо большая часть бедноты, не имея соответствующей материальной защищенности и ожидая дивидендов от власти, абсолютно не желала участвовать в процессе становления и развития колхозного хозяйства, превращаясь, по сути дела, в государственных иждивенцев;

– изменение характера диалога с властью. Если раньше крестьяне могли надеяться, что власть их «услышит», то в советское время перспективы обратной связи с властью были предрешены и закономерны. Консерватизм, как характерный архетип крестьянского сознания, основывался на нежелании и боязни радикальных перемен. Многие отказывались открыто восстать против власти государства из-за боязни мести за участие в восстании: население на собственном опыте познало и на генетическом уровне запомнило всю карательную мощь советской государственной, военной и административной системы. Крестьяне относились к власти как к силе, к которой необходимо приспосабливаться, как к стихийному бедствию, которое надо пережить.

Результатом антикрестьянской аграрной политики стал страшный голод 1932–1933 гг., охвативший огромную территорию СССР с населением более 50 млн чел. и унесший жизни 7 млн чел. Деревня превратилась в мощный резервуар дешевой рабочей силы, дешевых продуктов сельского хозяйства и стала главным источником модернизации страны. Такова цена политики сталинизма по отношению к русскому крестьянству. Возникает закономерный вопрос: принимало ли крестьянство советскую власть за «свою», верило ли ей, что она обеспечит светлое будущее российскому земледельцу?

Русский крестьянин верит только в то, во что сам хочет верить. Его «легковёрность» носила избирательный характер, что отмечалось исследователями ещё в XIX в.: «Русский простолюдин, правда, сильно способен верить всему чудесному, но легковёрен он по-своему, на него не скоро действуют самые сильные уверения, самые очевидные доводы противу верований его, хотя и ложных, но таких, с которыми он уже сроднился. Попробуйте затронуть его коренные убеждения, даже причуды; попробуйте уверить в истинах, которые признает весь свет: крестьянин не захочет и слушать. Начните же говорить что-нибудь небывалое, только согласное с вкоренившеюся идеею простолюдина, - он вас будет считать за самого умного, за самого доброго человека и поверит вам на слово, потому что в вас он верит себе»¹⁶.

Вместе с тем крестьянин вряд ли мог поверить в такие, с его точки зрения нелепицы, как государственные фабрики зерна на земле и стандартизация и унификация возделывания хлеба. Человек, который привык всю жизнь планировать, соизмерять, который имеет постоянный контакт с веществом жизни, с землей, с конкретным, никогда не поверит, что в один день можно мир перевернуть, что земля, запряженная в узду декретов, начнет плодоносить без перерыва и без отдыха, как дикая кошка котят. Он не может поверить, что кому-то дано, как Богу, создать душу из земли сырой и за один день создать твердь и небо.

Основания для недоверия к режиму Советской власти имелись, так как лозунг большевиков о том, что земля должна принадлежать крестьянам, тем, кто ее обрабатывает, так и остался ничем не подкрепленной декларацией. Крупнейший аграрник-экономист России Л. Н. Литошенко так характеризовал мрачную картину социального конфликта военного коммунизма большевиков с российской деревней: «перед объединенным крестьянством стоял общий враг... он строил какое-то неведомое и чуждое крестьянству здание социализма, а

крестьянин должен был доставлять ему даровой хлеб, сжимать свое потребление и мириться с тем, что его хозяйство официально признавалось отживающей формой землевладения»¹⁷.

И даже по отношению крестьян к лозунгу «Лицом к деревне» с самого начала высказывались сомнения в искренности намерений власти: «Эта власть хуже всех, она хитро затягивает петлю на крестьянской шее, поворачиваясь лицом к крестьянству, а пройдет немного времени, тогда она замучает нас налогами, от нас отберут последнюю корову, а уже тогда они повернутся к нам спиной, и опять останемся, как и раньше»¹⁸. Уже в 1927 г. следствием хлебозаготовок стали распространяемые в деревне слухи о грядущей войне, с которой связывали надежду на падение Советской власти: «Чтоб эта власть провалилась бы... Начнется война, придет другая власть и крестьянину будет жить вольнее»¹⁹.

С началом коллективизации отношения власти и крестьян еще более обострились и вышли за пределы того «мифологизированного» договора, который устраивал последних в годы НЭПа. Русский мужик, побывав в мировую войну за границей и в качестве союзника, и в качестве пленника, не увидев там никакого подобия колхозного строя и не услышав даже слухов о нем, поступил как настоящий практик и реалист: он не захотел рисковать своей собственностью (трудно досталась!) ради неизвестного ему коллективного хозяйства, тем более создаваемого насильственным путем.

Если судить здраво, без эмоций, то нет ничего удивительного в том, что наше российское крестьянство так и не стало субъектом социалистического выбора, само добровольно не пришло к коллективной организации труда на земле. Было бы чудом, если бы случилось противоположное и крестьянин сам, добровольно, без принуждения, предпочел колхозы, легко расстался бы со своим наделом, о котором мечтал веками. Может ли нормальный, психически здоровый человек, тем более патриархальный консерватор, отказаться от того, к чему он

привык, предпочесть непривычное, неизведанное тому, что складывалось на протяжении веков. На такой опрометчивый шаг мог решиться только ничего не теряющий бедняк или ни за что не отвечающая молодежь. Даже бедняк, бывший комбедовец, готовый каждую минуту раздеть преуспевающего соседа, думал не столько о коллективной запашке земли, сколько о том, чтобы опять-таки добыть лошадь, на которую он так и не смог заработать. Зависть сама по себе никогда не вела к коллективным формам труда. Озлобленные неудачники оказывались наверху, становились уполномоченными и активистами. Но к ним в деревне никто, кроме молодежи, серьезно не относился. Как правило, такие мужики не умели работать, а потому их не принимали за стоящих людей. И это понятно. При всех своих недостатках, при всем своем консерватизме крестьянин предельно расчетлив и трезв. Если он не будет таким, он сдохнет с голоду. Тысячелетняя история крестьянства отбраковывала нетрезвых, нерасчетливых. Юродивый до тех пор юродивый, пока он один в деревне. Крестьяне, в отличие от горожан, по своей воле редко бросали повседневные дела и заботы во имя того, чтобы включиться в борьбу за царство всечеловеческого счастья.

Русские мужики не знали и не могли знать, что Г. В. Плеханов еще в 1907 г. на объединительном съезде в полемике с Лениным по поводу аграрной программы РСДРП с блеском доказал, что социализация земли и крестьянского труда в России будет новым изданием крепостного права в нашей стране, возвращением к барщине, где помещиком будет коммунистическое государство. Как идею наследования, возвращения на круги своя воспринимали новую систему и сами колхозники, которые расшифровывали аббревиатуру ВКП (б) как Второе Крепостное Право (большевиков). Причем оно было значительно более жестоким, чем то, от которого крестьяне были освобождены в 1861 г. Неслучайно некоторым царизм казался предпочтительней существующей системы: «Раньше жизнь была легче. При царском режиме крестьянину было

легче работать десять лет в своем собственном хозяйстве, чем теперь десять дней в колхозе»²⁰.

В крестьянской стране победила антикрестьянская политика, основанная на насилии над крестьянином. Что касается советского колхозного строя, то он был построен на абсурдных основаниях: с одной стороны, консервация аграрного общества, с другой – изъятие у него несуществующего прибавочного продукта. Такая система была обречена, но она привела к раскрестьяниванию самого многочисленного слоя населения России, что имело необратимые последствия для будущего страны. Если сегодня предоставить землю желающим взять ее в собственность, не факт, что они будут активно на ней работать. А это, к слову сказать, продовольственная безопасность России...

Библиография

---

¹ Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905. Т. 1. С. 163.

² *Успенский Г. И.* Власть земли // *Успенский Г. И.* Сочинения: в 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 106–107.

³ Там же. С. 110.

⁴ См.: *Сухова О. В.* Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории крестьянской психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008. С. 220.

⁵ См.: подробнее: *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 2003. С. 467–473.

⁶ См.: *Сухова О. В.* Указ. соч. С. 227.

⁷ *Бердяев Н. А.* Судьба России. М., 1990. С. 10–11.

⁸ См.: *Shanin T.* The Peasant Dream: Russia 1905–7 // *Shanin T.* Defining Peasants. Essays concerning Rural Societies, Expolary Economies, and Learning from them in the Contemporary Wold. Oxford. 1990. P. 172–173.

⁹ См.: *Марченя П. П., Разин С. Ю.* Теоретический семинар «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории».

Материалы первого заседания // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки. 2012. Вып. 7. М., 2012. С. 375–416 (С. 386–389) (http://www.docme.ru/doc/244892/krest_yanovedenie-7.pdf).

¹⁰ См.: *Гордон А. В.* Крестьянство Востока; исторические судьбы, культурная традиция, социальная общность. М., 1989. С. 77.

¹¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 54.

¹² См.: *Сталин И. В.* Соч. Т. 11. С. 162.

¹³ См.: *Сухова О. В.* Указ. соч. С. 442.

¹⁴ *Третьяков А. В.* Земельный передел – основной итог аграрных реформ в России конца XX – начала XXI веков // Крестьянство и власть в истории России XX века: сборник научных статей участников Международного круглого стола / под ред. П. П. Марченя, С. Ю. Разина. М., 2011. С. 369 (http://www.isras.ru/files/File/publ/Sbornik_krugl_stol_krest_i_vlast_2011.pdf).

¹⁵ См.: *Булдаков В. П.* К вопросу о происхождении мифов о крестьянстве // Там же. С. 134.

¹⁶ Цит. по: *Сухова О. В.* Указ. соч. С. 106.

¹⁷ Цит. по: *Никулин А. М.* Становление аграрника Сталина: 1906–1918 гг. // Крестьянство и власть в истории России XX века... С. 301.

¹⁸ Цит. по: *Кудюкина М. М.* Крестьянство и власть в 1920-е годы // Там же. С. 242.

¹⁹ Цит. по: *Гончарова И. В.* Власть и крестьянство в конце 1920-х гг. (По материалам Центрального Черноземья) // Там же. С. 155.

²⁰ ЦГАИПД СПб (Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга). Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1190. Л. 106 (Н/35); Д. 1855. Л. 208, 214 (Н/36).